

Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа

© Шемякин Я.Г., 2025

Яков Георгиевич Шемякин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16.

ORCID: 0000-0003-2382-0864

E-mail: shemyakin3@gmail.com

Аннотация. А.Ф. Кофман — выдающийся представитель российской гуманитарной мысли, творческая личность синкретического типа, совмещающая в себе ипостаси ученого и художника (в самом широком смысле этого слова). В своей научной деятельности владел двумя основными используемыми человеком интеллектуальными стратегиями: «правополушарной», нацеленной на познание объекта исследования как целостности, и «левополушарной», предполагающей аналитическое «расчленение» данного объекта, успешно применяя их как по отдельности, так и в органическом сочетании. На примере творчества А.Ф. Кофмана, опираясь на концепцию М.М. Бахтина, можно изучать специфику гуманитарного знания как такового. Значение трудов ученого выходит далеко за рамки того предмета исследования, которым он занимался

непосредственно и который изучил досконально, а именно — латиноамериканской литературы. Наиболее значимые произведения Кофмана являют собой глубокое исследование специфики Латинской Америки как цивилизации «пограничного» типа, которая характеризуется специфическим сочетанием структурообразующих начал единства и многообразия: доминантой многообразия, обусловленной, в свою очередь, «включающим» дискурсом, при парадоксальном сохранении единства *suí generis*, проявившегося в особом типе социокультурной системности, качественно отличном от классических образцов. Труды А.Ф. Кофмана могут служить развернутым на тысячи страниц подтверждением тезиса о том, что именно «включающий» дискурс определил главные черты латиноамериканской цивилизации, в первую очередь характер идентификационной сферы и специфику процессов формообразования.

Ключевые слова: творческая личность синкретического типа, «правополушарная» интеллектуальная стратегия, «левополушарная» интеллектуальная стратегия, диалогическая основа социальности, «другой», «включающий» дискурс, «исключающий» дискурс, цивилизационное «пограничье»

Для цитирования: Шемякин Я.Г. (2025) Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 30–55. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-30-55

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Andrey Kofman: una personalidad creativa de tipo sincrético

© Shemyakin Ya.G., 2025

Yákov G. Shemyakin, Doctor en Historia, Investigador Jefe del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia.

115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16.

ORCID: 0000-0003-2382-0864

E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Resumen. Andrey Kofman, destacado representante del pensamiento humanitario ruso, es una personalidad creativa de tipo sincrético, que combina las hipóstasis de un «científico» y un «artista» en el sentido más amplio de la palabra. Dominaba dos principales estrategias intelectuales: la «de hemisferio derecho», encaminada a comprender el objeto de investigación como una integridad, y la «de hemisferio izquierdo», que implica el «desmembramiento» analítico de este objeto. Andrey Kofman las aplicaba con éxito tanto por separado como en combinación orgánica. La obra de A.F. Kofman, examinada desde el prisma del concepto de M.M. Bakhtín, puede servir para estudiar las particularidades de las humanidades en general. El impacto de sus investigaciones va mucho más allá de la literatura latinoamericana, un tema en que trabajó y que estudió a fondo. Las obras más importantes de Kofman exploran la idiosincrasia de América Latina como una civilización «de frontera», que combina la unidad y la diversidad. Es decir, se caracteriza por una diversidad dominante que se atribuye, a su vez, al discurso inclusivo. No obstante, mantiene paradójicamente su unidad sui géneris, que se manifiesta en un carácter sistémico único de su realidad sociocultural, muy diferente a otros tipos de civilizaciones. La obra de A.F. Kofman corrobora en miles de páginas que fue el discurso inclusivo el que definió los rasgos principales de la civilización latinoamericana, sobre todo el carácter de su identificación y las particularidades de su formación.

Palabras clave: personalidad creativa de tipo sincrético, estrategia intelectual «de hemisferio derecho», estrategia intelectual «de hemisferio izquierdo», base dialógica de la socialidad, «el Otro», discurso inclusivo, discurso exclusivo, civilización «de frontera»

Para citar: Shemyakin Ya.G. (2025) Andrey Kofman: una personalidad creativa de tipo sincrético, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 30–55. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-30-55

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Andrey Kofman: A Creative Personality of the Syncretic Type

© Shemyakin Ya.G., 2025

Yakov G. Shemyakin, Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences.

115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16.

ORCID: 0000-0003-2382-0864

E-mail: shemyakin3@gmail.com

Abstract. Andrey Kofman, a prominent Russian researcher in the field of humanities, can be described as a creative personality of the syncretic type, as he was both a researcher and an artist, in the broad sense of the word. A.F. Kofman used two fundamental intellectual strategies in his research, successfully applying them separately and in combination. He mastered the right hemisphere strategy, which seeks to study the object of the investigation as a whole, and the left hemisphere strategy, which implies «splitting» the object for analytical purposes. A.F. Kofman's work can be used to study the particulars of the humanities in general, especially through the lens of M.M. Bakhtin's concept. The importance of Kofman's work goes far beyond the study of Latin American literature that he researched and explored in depth. Kofman's most significant work centers around Latin America as a «frontier» civilization, which is a peculiar amalgam of unity and diversity. Diversity, which stems from inclusive discourse, is dominant, yet unity sui generis prevails, making this type of civilization uniquely systemic from a socio-cultural point of view and different from other types. Andrey Kofman's work confirms the idea that inclusive discourse defined the key features of the Latin American civilization, especially influencing how it took shape and what it identified with.

Key words: creative personality of the syncretic type, right hemisphere intellectual strategy, left hemisphere intellectual strategy, dialogical basis of sociality, «the Other», inclusive discourse, exclusive discourse, civilizational «frontier»

For citation: Shemyakin Ya.G. (2025) Andrey Kofman: A Creative Personality of the Syncretic Type, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 30–55. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-30-55

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Начиная работу над этой статьей, посвященной памяти Андрея Федоровича Кофмана, я задумался над вопросом: как можно охарактеризовать эту поистине масштабную творческую индивидуальность в двух словах? И пришел к выводу, что словесная формула, адекватная этому масштабу, — «творческая личность синкретического типа».

Понятие синкретического типа творческой личности появилось в научном дискурсе в ходе и в результате работы над самым масштабным проектом творческого коллектива ИМЛИ во главе с выдающимся ученым В.Б. Земсковым — «Историей литератур Латинской Америки», а конкретно говоря, — над вторым и третьим (главным образом) томами этого труда, в подготовке которых большую роль сыграл А.Ф. Кофман, который написал значительную часть третьего тома. Только личность данного типа могла найти решения для всего комплекса задач, связанных с процессом становления в Латинской Америке новой цивилизации, что было бы невозможно без максимальной мобилизации всех интеллектуальных и духовных сил. Синкретический тип творческой личности совмещал в одном лице мыслителя, литератора, общественного деятеля (что оказалось типично для Латинской Америки), во многих случаях — ученого. Здесь можно проследить линию исторической преемственности, которая протягивается от деятелей латиноамериканского Просвещения XVIII в. к мыслителям и общественным деятелям XIX–XX вв. самых различных направлений, начиная с С. Боливара (Simón Bolívar, 1783–1830), А. Бельо (Andrés Bello, 1781–1865), Д.Ф. Сармьенто (Domingo Faustino Sarmiento, 1811–1888) и далее — к Х. Марти (José Martí, 1853–1895), Х.Э. Родо (José Enrique Rodó, 1871–1917), А. Рейесу (Alfonso Reyes Ochoa, 1889–1959), Х. Васконселосу (José Vasconcelos, 1882–1959), Х.К. Мариатеги (José Carlos Mariátegui, 1894–1930), В.Р. Айя де ла Торре (Víctor Raúl Haya de la Torre, 1895–1979), Р. Гальегосу (Rómulo Gallegos, 1884–1969), О. Пазу (Octavio Paz, 1914–1998), Г. Гарсиа Маркесу (Gabriel García Márquez, 1927–2014), М. Варгасы Льюсе (Mario Vargas Llosa, р. 1936), Ж. Амаду (Jorge Amado, 1912–2001), П. Неруде (Pablo Neruda, 1914–1973), Э. Карденалу (Ernesto Cardenal, 1925–2020), Ж. Сарнею (José Sarney, р. 1930). И многим, многим другим — список, безусловно, неполон, к нему можно добавить еще много имен.

Одни из этих представителей латиноамериканской истории и культуры были в большей мере политиками, другие — литераторами и философами, но само синкретическое соединение различных функций и творческих

А.Ф. Кофман

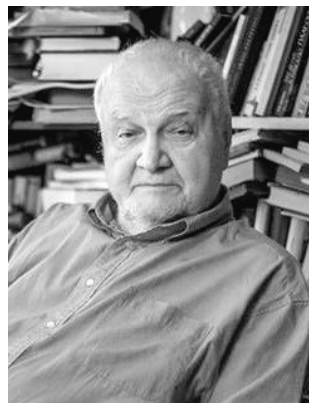
ипостасей в рамках одной личности характерно для всех них и является отличительной чертой латиноамериканской цивилизационной общности по сей день [Шемякин, 2001: 178–179].

В ходе сравнительного цивилизационного исследования выяснилось, что здесь обнаруживаются прямые параллели с Россией/Евразией, обусловленные принадлежностью к одному и тому же, «пограничному» цивилизационному типу.

Две главные интеллектуальные стратегии в процессе освоения и познания мира

Условием возникновения синкретического типа личности являлось сочетание двух разных стратегий, которые, по словам Вяч. Вс. Иванова (1929–2017), «каждый человек использует при решении основных интеллектуальных задач. Одна из них связана с использованием логически определяемых абстрактных, правильных грамматических и логических конструкций, натурального ряда чисел, отдельных деталей воспринимаемых предметов и построения их чертежных схем; у большинства нормальных людей она связана с левым полушарием головного мозга и оттого для краткости может называться “левополушарная”» [Иванов, 2009: 141]. Она является по своему характеру «абстрактно-словесной», типичными примерами ее реализации «могут служить тексты отвлеченного или научного характера» [Иванов, 2009: 143]. Напротив, «правополушарная» стратегия ориентируется «на целостные образы», а не на последовательность «дискретных символов» [Иванов, 2009: 149]. Подобные образы дают «охват целостной картины мира, а не логические схемы, включающие лишь отдельные детали» [Иванов, 2009: 149].

Ориентация на познание мира через создание целостных образов является доминантой в таких проявлениях человеческого духа, как художественное творчество во всех видах, в очень значительной мере — религия и философия.

Вяч. Вс. Иванов

Ученый, писатель, художник. «Не точность познания, а глубина проникновения...»

В принципе обеим познавательным стратегиям соответствуют различные «идеальные типы» творческой индивидуальности: «левополушарной» — тип ученого, «правополушарной» — тип художника (в самом широком смысле), человека искусства. Синкретический тип творческой личности совмещает ипостаси ученого и художника в одном лице. Именно такое сочетание определяет творческий облик А.Ф. Кофмана. Анализ его текстов

убедительно свидетельствует о том, что он прекрасно умел как сочетать обе стратегии, так и использовать каждую из них по отдельности — в зависимости от характера исследовательской задачи.

А.Ф. Кофман. Поклонение волхвов. 2009

Впрочем, применяя одну из стратегий, Андрей никогда не замыкался в ее рамках. В преимущественно «левополушарных» текстах отчетливо видно стремление познать объект изучения через посредство целостных образов, в текстах с «правополушарной» доминантой столь же ясно прослеживаются элементы научного анализа. На мой взгляд, наиболее яркие примеры блестящего научного анализа (но с включением элементов «правополушарной» стратегии) — книга 1997 г. «Латиноамериканский художественный образ мира» [Кофман, 1997] и недавно увидевшая свет в «Ибероамериканских тетрадах» статья, которой Андрей Федорович, со свойственным ему остроумием, дал очень своеобразное название: «“Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...” Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира» [Кофман, 2023].

«Правополушарная» ипостась творческой личности А.Ф. Кофмана нашла свое отражение в принадлежащих его перу художественных текстах. Кофман — прекрасный писатель и замечательный стилист. На меня лично наибольшее впечатление произвела его книга «Тьерра аделанте». К текстам с «правополушарной» доминантой, помимо его художественных произведений, относится весь цикл его книг о конкистадорах [Кофман, 2007а; Кофман, 2007b; Кофман, 2009; Кофман, 2012; Кофман, 2017].

А.Ф. Кофман.
Тьерра аделанте. 2003

Столь органичное сочетание обеих главных интеллектуальных стратегий, как и доведенное почти до совершенства владение каждой из них, были бы невозможны без четкого понимания специфики гуманитарного дискурса. Думаю, по работам Кофмана можно изучать эту специфику. По моему убеждению, ее суть наиболее четко и ясно сформулировал М.М. Бахтин. Согласно Бахтину, в гуманитарном знании «критерий не точность познания» (в смысле естественно-научном), а «глубина проникновения» [Бахтин, 1997: 7]. Однако здесь есть свой критерий точности — «преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое» [Бахтин, 1986: 392]. Именно такое преодоление является мерилom «глубины проникновения». И обусловлено подобное понимание точности тем, как трактуется Бахтиным метафора глубины. Последняя понимается как основа, на которой происходит создание человеком его собственного, человеческого мира. И эта основа — не что иное, как диалогическое общение. С точки зрения бахтинской диалогистики все виды человеческой деятельности во всех сферах предстают как разновидности диалога человека с самим собой, с другими людьми, с собственным прошлым и т.п. Цивилизация в этом ракурсе может быть интерпретирована как форма диалога с иными культурами, со своим природным и социальным окружением, с собственной традицией.

Необходимая «глубина проникновения», в свою очередь, может быть достигнута, если будет обеспечена максимальная полнота охвата изучаемого материала. Если оценивать труды Кофмана с точки зрения бахтинских критериев, то есть все основания утверждать, что и «глубина проникновения» в объект исследования (т.е. в латиноамериканскую культуру), и полнота его охвата близки к максимально возможным.

Цивилизация как текст и как дискурс

После «лингвистического поворота» в философии и историографии второй половины XX в. стало очевидно, что с семиотической точки зрения цивилизация может быть рассмотрена как текст. В развитие этой линии интерпретации позволим себе добавить следующие соображения. В когнитивном горизонте семиотики цивилизация, воспринимаемая как диалог, предстает в двух ипостасях: как текст и как дискурс. Цивилизация как текст — это сложная система взаимосвязи определенных ценностей, принципов и установок поведения. Цивилизация как дискурс — это она же как текст во взаимодействии с внетекстовой (экстралингвистической) реальностью. Цивилизация как дискурс — это единство основополагающих для нее ценностей, принципов и установок и форм и способов их реализации во всех видах социальной практики во всех сферах человеческой жизни. Культурно-исторический облик цивилизации определяется тем, какие из них приняты в качестве духовной основы и тем, каким образом они реализуются в действительности.

Цивилизация как диалог в своей текстуальной ипостаси предстает как смыслоструктура, центральная ось которой — принцип отношения к «Другому», то есть иному участнику диалогического общения, утверждаемый как основополагающая ценностная ориентация поведения. Именно отношение к «Другому» определяет структуру диалогической основы социальности того или иного человеческого мира.

Обобщение опыта мировой истории позволяет выделить два противоположных по своему характеру подхода к проблеме «Другого», воплощенных в двух принципиально отличающихся друг от друга видах дискурса: «исключающем» и «включающем». Суть первого заключается в следующем.

«Другой» признается как необходимое условие осуществления процесса самоидентификации, но при этом рассматривается осуществляющим этот процесс социокультурным субъектом как нечто абсолютно ему чуждое, стоящее на неизмеримо более низкой ступени в иерархии бытия, он не допускается в собственное жизненное пространство данного субъекта.

«Включающий» дискурс основан на противоположном подходе: «Другой» включается в собственное жизненное пространство в качестве его неотъемлемой составляющей (причем вне зависимости от отношения к нему), воспринимается как естественная данность, неотделимая от этого пространства.

Следует особо отметить, что в обоих случаях речь идет о преобладающих тенденциях, которые сформировались исторически, пробивали и пробивают себе дорогу в борьбе с контртенденциями. Любая конкретная цивилизация, рассматриваемая как дискурс, предстает как противоречивое, конфликтное единство тенденций «включения» и «исключения» «Другого». Преобладание той или иной из них определяет способ формирования диалогической основы социальности и, тем самым, тип цивилизации.

«Включающий» дискурс цивилизационного «пограничья»

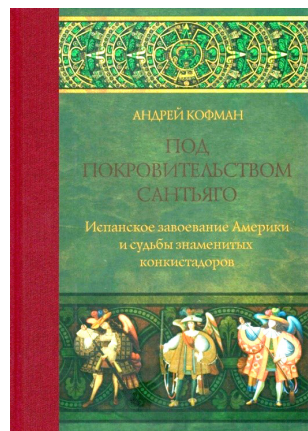
Доминанта начала многообразия (при парадоксальном сохранении единства *sui generis*), определяющая структурная характеристика цивилизаций «пограничного» типа, в свою очередь, обусловлена способом формирования диалогической основы социальности на основе «включающего» дискурса, который пробивал (и пробивает) себе дорогу через преодоление логики исключения. В недавно увидевших свет работах мы обозначили основные стадии становления «включающего» дискурса в Латинской Америке [Шемякин, 2023а: 48–60].

Работы А.Ф. Кофмана, особенно труды последних лет, позволяют наглядно увидеть, как происходило это становление — от постепенного утверждения логики «включения», начиная с буллы папы Александра VI 1493 года (в которой признавалось, что жители только что открытого континента — настоящие люди, способные воспринять христианское

благовестие, поэтому целью и оправданием конкисты становилась христианизация, т.е. включение индейцев в христианскую ойкумену), продолжая процессом трансформации сознания конкистадоров в ходе взаимодействия с индейским миром и заканчивая многочисленными примерами, характеризующими особенности сознания героев латиноамериканской литературы. Чтобы не быть голословным, приведу в качестве наиболее ярких, на мой взгляд, иллюстраций, несколько развернутых цитат из наиболее значимой, по-моему, книги Кофмана последних лет [Кофман, 2017] и из самой содержательной из появившихся в этот же период его статей [Кофман, 2023]. Как мне уже приходилось писать, пожалуй, самое убедительное доказательство преобладания в Латинской Америке «включающего» дискурса — тот факт, что основу ее цивилизационной идентичности определил процесс метисации, и в рамках этого процесса, особенно на первых этапах, особое значение приобрела специфическая разновидность диалогического общения — общение невербальное. По-видимому, слова, особенно первоначально, играли меньшую роль, чем «язык тела». А.Ф. Кофман совершенно справедливо отмечал в этой связи, что «эротическая конкиста» отнюдь не сводилась к грубому насилию. Достаточно вспомнить только один из приведенных Кофманом примеров, касающийся завоевателя Мексики Э. Кортеса, у которого было 5(!) детей-метисов [Шемякин, 2021: 121].

«Разговор о метисном потомстве Кортеса имеет полное право фигурировать под рубрикой “созидательная деятельность” — так создавалась будущая метисная мексиканская нация, и Кортес, можно сказать, личным примером стимулировал этот процесс. Важен, впрочем, не столько сам факт смешения кровей — куда важнее отношение нашего героя к своим внебрачным детям и индейским “женам”... Кортес не только их признает, но и демонстрирует отеческое к ним отношение... Когда Кортес, а вслед за ним другие испанцы признавали метиса своим ребенком, они совершали, по сути, глубоко символический культурный акт, означавший, с одной стороны, признание собственной принадлежности Новому Свету, а с другой — признание человеческой полноценности индейцев. То был первый шаг на пути сотворения будущей латиноамериканской культуры» [Кофман, 2017: 208].

Констатируя, что тексты конкистадоров переполнены сравнениями реалий Нового Света с реалиями Испании, Кофман особо подчеркивает: «Поразительно то, что среди нескольких десятков зафиксированных сравнений подобного типа нет ни одного, в котором американская реалья

А.Ф. Кофман.
*Под покровительством
Сантьяго. Испанское
завоевание Америки
и судьбы знаменитых
конкистадоров. 2017*

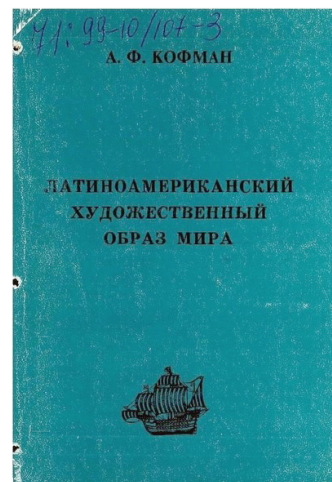
ставилась бы ниже испанской. Формула “испанское лучше” как бы начисто отсутствует в сознании конкистадоров; все оценочные сравнения “работают” исключительно на американскую реальность» [Кофман, 2023: 36].

Кофман выделяет три основных варианта таких сравнений, которые выражают формулы: «не хуже, чем в Испании»; «лучше (больше), чем в Испании»; «в Испании нет ничего равного». Причем сопоставления последнего, третьего типа «встречаются даже чаще, чем отмеченные ранее варианты» [Кофман, 2023: 36]. Перед нами впечатляющая картина формирования социально-психологических предпосылок «включающего» дискурса.

«Обратная» стратегия

Приведенные Кофманом и выделенные нами оценки — лишь немногие в ряду многочисленных примеров того феномена, который рассматривается Андреем Федоровичем в упомянутой статье. А именно — «обратной» стратегии выстраивания национальной картины мира. Выделение и анализ этой стратегии (наряду с «прямой», преследующей ту же цель), на мой взгляд, являют собой новый шаг в разработке темы цивилизационной идентичности Латинской Америки. Новый, после появления книги «Латиноамериканский художественный образ мира», где эта тема исследована очень глубоко и подробно. Содержание данной книги значительно шире названия: это одна из лучших работ, посвященных изучению цивилизационного кода Латинской Америки. Поэтому позволю себе остановиться на анализе упомянутой концепции несколько подробнее.

В отличие от «прямой» («когда автор непосредственно, то есть “без посредников”, обращается к национальной действительности, осмысляет ее...» [Кофман, 2023: 19]), особенность «обратной» стратегии «состоит в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении с иной культурой или картиной мира, неважно, будь то соседний народ, с которым идут многовековые распри, или народ, живущий на обратной стороне Земли. Главное в этой стратегии — неперемное присутствие в сознании автора различных картин мира, своей и чужих; нередко выходит так, что свою культуру автор исследует и оценивает глазами иностранца, внедряя в повествование соответствующего героя. Лапидарным выражением этой стратегии является русская поговорка “что русскому здорово, то немцу смерть”» [Кофман, 2023: 19–20].

А.Ф. Кофман.
Латиноамериканский
художественный образ мира.
1997

По оценке Кофмана, неоспорим факт «очень основательного и очень широкого и многообразного присутствия» «обратной» стратегии «при выстраивании картины мира» [Кофман, 2023: 20] латиноамериканскими писателями и мыслителями. Этот тезис подтверждается обращением к богатому и разнообразному конкретному литературному материалу. Автор доказывает обоснованность своих суждений, анализируя творчество А. Карпен-тьера (Alejo Carpentier, 1904–1980), К. Фуэнтеса (Carlos Fuentes, 1928–2012), М. Отеро Сильвы (Miguel Otero Silva, 1908–1985), Р. Гуиральдеса (Ricardo Güiraldes, 1886–1927), Г. Гарсиа Маркеса, Т. Карраскильи (Tomás Carrasquilla, 1858–1940), М. Анхеля Астуриаса (Miguel Ángel Asturias, 1899–1974), Ф. Аинсы (Fernando Aínsa, 1937–2019), Б. Линча (Benito Lynch, 1880–1951), Р. Гальегоса, Х. Эустасио Риверы (José Eustasio Rivera, 1888–1928). Обратная стратегия подразумевает взгляд латиноамериканского писателя «на сторону» либо взгляд на латиноамериканскую действительность глазами постороннего. Причем «такая оптика, как в первом, так и во втором варианте, переполняет латиноамериканскую литературу» [Кофман, 2023: 21], а «взгляд на сторону» отчетливо проявляется в той константе латиноамериканской литературы, которую еще в книге 1997 г. [Кофман, 1997: 27–31] Андрей Федорович охарактеризовал как «инаковость», то есть глубокая убежденность в том, что «латиноамериканский мир коренным образом отличен от европейского и североамериканского» [Кофман, 2023: 21]. Особенно ярким свидетельством того, насколько латиноамериканское сознание предрасположено именно к обратной стратегии идентификации, является, по мнению Кофмана, «широчайшее распространение» в латиноамериканском духовном космосе знаменитой концепции «чудесной реальности» Алехо Карпен-тьера, которая оценивается как «замечательный образец» обратной стратегии выстраивания картины мира [Кофман, 2023: 23].

Поиск «своего» в «чужом»

В моей системе понятий «обратная» стратегия выстраивания картины мира — очень яркое и убедительное проявление «включающего» дискурса как главного способа структурирования диалогической основы латиноамериканской социальности. Я согласен со всеми основными тезисами Андрея Федоровича. Есть только один (но достаточно существенный) пункт в его концепции, который хотелось бы уточнить. Рассматривая проблему заимствования латиноамериканской культурой европейских по происхождению форм, Кофман пишет, что эти заимствования «обладали одной существенной особенностью. Форма подобна сосуду: его можно наполнить разным содержимым. Заимствованные художественные формы латиноамериканцы всегда старались приспособить для отражения собственной действительности — так накапливались новые содержательные элементы. Этот особый способ развития литературы можно определить формулой: поиск “своего”

в “чужом”» [Кофман, 2023: 33]. Активная роль латиноамериканской традиции в процессе взаимодействия с европейской несомненна. И тем не менее... Приведенное суждение Кофмана заставило меня вновь обратиться к моему собственному тексту, посвященному завершению работы авторского коллектива ИМЛИ над пятитомником «Истории литератур Латинской Америки» и анализу его главного научного содержания [Шемякин, 2006].

Трактовка формы

Рассматривалась там и проблема соотношения формы и содержания в процессе межкультурного взаимодействия. Позволю себе повторить сформулированные тогда мной основные положения, поскольку это имеет принципиальное значение в контексте данной статьи.

Уже тогда, в ходе работы над пятитомником, А.Ф. Кофман сформулировал ту же самую мысль, которая только что была приведена выше: что в ходе взаимодействия с европейскими формами имеет место проекция «заемного» на «свое» и его наполнение новым содержанием [Кофман, 2004: 117].

На первый взгляд, это представляется очевидным. Однако за этой очевидностью кроется проблема, связанная с перипетиями и закономерностями функционирования языка науки. В данном случае речь идет о том, что термин «форма» многозначен: чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любое энциклопедическое издание. Его значения тяготеют к двум основным смыслам: **внешнее очертание** тел (предметов, процессов) и **принцип построения** той или иной системы, структурирующий природную и/или социальную материю. Первое из значений восходит к Р. Декарту (René Descartes, 1596–1650). Именно он свел представление о форме к «внешнему очертанию тел» [Гайденко, 1987: 162]. Вторая трактовка разработана еще в античности Платоном и Аристотелем. Они рассматривали форму или идею (эйдос) как единственную подлинную реальность, духовную по своему характеру, в которой «участвуют» (всегда неполно) вещи мира, данного нам в непосредственном чувственном опыте. Подобная интерпретация формы, выдержанная в духе античной традиции, опирается на мощные архаические основания. Так, М.М. Маковский, характеризуя мифологическую символику индоевропейских языков, отмечал, что в рамках архаического мировосприятия «форма», «образ» непосредственно соотносятся со значением «звук», «издавать звуки». Между тем, «согласно языческим мифологическим представлениям, звук, слово было символом божественного творения. Слово рождало Вещи» [Маковский, 1996: 378].

Обе трактовки на протяжении веков сосуществовали и в обиходном, и в научном языке. Они присутствуют и в теории цивилизаций. Пониманию формы как внешнего очертания соответствует введенное О. Шпенглером и использованное А. Дж. Тойнби (Arnold J. Toynbee, 1889–1975) понятие «хабитуса», характеризующее специфику внешнего проявления основных черт

цивилизации, ее стиль [Тойнби, 1991: 290–291]. В то же время форма часто понимается в цивилизационных исследованиях как некое системообразующее начало, структурирующее действительность.

Проблема состоит в частом смешении обеих выделенных трактовок формы, что ведет к путанице. В зависимости от того, как трактуется исходное понятие, формообразование может пониматься либо как **стилеобразование**, либо как становление **системы принципов**, в соответствии с которыми организуется человеческая жизнь.

Если проанализировать под этим углом зрения труд латиноамериканистов ИМЛИ, то станет очевидным, что в тексте пятитомника можно обнаружить обе выделенные трактовки понятия формы. Причем вот что интересно: когда речь заходит об общих принципах взаимодействия западной и латиноамериканской традиций, на первый план выходит понимание формы как «внешнего очертания», наполняемого местным содержанием. Формы европейского происхождения трактуются в этом случае как нечто пассивное или, во всяком случае, существенно менее активное, чем латиноамериканские бытийственные реалии. В случае же, когда В.Б. Земсков рассуждает об особой «демиургической» роли Слова (причем имеется в виду именно человеческое Слово создателей новой традиции), речь идет о процессе созидания форм самовыражения, структурирующих духовную основу новой, становящейся цивилизации [Земсков, 2004: 5–30].

Учитывая сложившуюся семантическую реальность, закономерно, что в столь капитальном труде наличествуют обе охарактеризованные выше интерпретации понятия формы. По моим наблюдениям, исследовательская интуиция во многих случаях помогает авторам различать эти трактовки. И все же это не всегда удается, в результате чего в некоторых случаях теряется четкость изложения. Это — прямое следствие того, что на теоретическом уровне различие двух основных интерпретаций понятия формы не было отражено.

Тезис о «наполнении» европейских форм местным содержанием не следует абсолютизировать: все-таки в нем не учитывается (или недостаточно учитывается) активность этих форм. Если бы они не обладали в достаточной мере подобным свойством, то никогда не смогли бы укорениться на латиноамериканской почве. Самый яркий пример здесь — позаимствованные первоначально у Запада формы демократической политической организации и гражданского общества. Конечно, эти формы в определенной мере

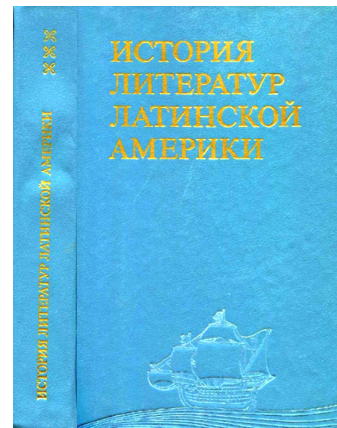
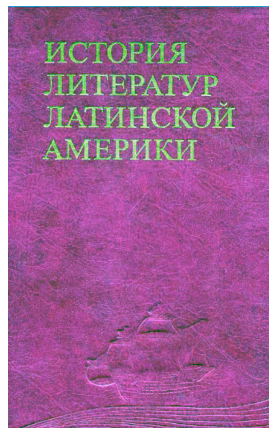
В.Б. Земсков

трансформируются, что свидетельствует, в свою очередь, об активности латиноамериканского цивилизационного «содержания». Но все же не до такой степени, чтобы исчезла «печать» их западного происхождения [Шемякин, 2006].

О латиноамериканском «содержании» по отношению к европейской «форме»

В том, что касается литературы (как и вообще духовной культуры), можно, по-видимому, сказать, что здесь местное онтологическое «содержание» более активно проявляет себя в рамках рассматриваемой дуальной оппозиции, чем в политической сфере, не говоря уже об экономике, где институциональные формы западного происхождения и характера доминируют (хотя и не могут полностью «стереть» местные архаические и традиционные бытийственные реалии). Тем не менее формы европейского происхождения отнюдь не пассивны и здесь, в тех областях, на которые латиноамериканский дух наложил наибольший отпечаток. В любом случае парафраз, травестию и т.п. нельзя понимать как односторонний процесс, где европейская традиция выступает как пассивный объект, различные «детали» которого чисто произвольно комбинируются латиноамериканским творцом; западные формы оказывали и оказывают обратное воздействие (порой очень сильное) на тех, кто пытается с ними «играть». Концепция парафраза, представляющая собой важную часть теоретического инструментария пятитомника, имеет смысл лишь в том случае, если она предполагает именно **взаимодействие** качественно различных традиций, а не одностороннее воздействие одной из них на другую. Между тем в тексте пятитомника в ряде случаев можно проследить тенденцию к восприятию европейской традиции как пассивного (или, во всяком случае, относительно пассивного) объекта воздействия носителей латиноамериканского творческого импульса [Шемякин, 2006].

Вынужден процитировать мои слова: «На мой взгляд, в данном случае речь идет о неизбежных, по-видимому, издержках при выполнении той сверхзадачи, которую ставили перед собой авторы: показать Латинскую Америку как самостоятельный творческий субъект мировой истории, преодолеть отношение к ней преимущественно как к объекту воздействия глобальных процессов и тенденций.

История литератур Латинской Америки. Т. 2 и 3

При такой общей установке вполне закономерно сосредоточение внимания на активности латиноамериканского “содержания” по отношению к европейской “форме”. Однако при этом неизбежно остается в тени онтологическая активность самой этой формы. Определение степени этой активности в каждом конкретном случае, изучение европейской составляющей процесса парафразирования и характера ее воздействия на латиноамериканскую сторону — это, как мне представляется, может стать одним из главных направлений будущих исследований» [Шемякин, 2006].

На мой взгляд, попытки решения этой задачи сохраняют свою актуальность. Так что в любом случае уподобление западной формы сосуду, который, будучи пассивной стороной взаимодействия, заполняется латиноамериканским содержанием, вряд ли можно признать удачной метафорой.

Пожалуй, это единственный пример моих разногласий с Кофманом. В статье, посвященной творчеству В.Б. Земскова, в той ее части, где я констатировал существенное различие наших позиций по некоторым важным вопросам, я привел цитату С.С. Аверинцева, который, предвзяв свою полемику с М.М. Бахтиным по поводу феномена смеха, сказал: «Выходя из согласия с Бахтиным, его не потеряешь; выходя из диалогической ситуации — потеряешь» [Аверинцев, 2005: 342]. Затем следует мой вывод: «То же самое можно сказать и о Земскове. Для меня лучший способ почтить его память — продолжить наш творческий диалог-спор» [Шемякин, 2016: 81]. Абсолютно то же самое могу сказать и о Кофмане. С той лишь разницей, что, в отличие от Земскова, с которым мы много и ожесточенно спорили, наши с Андреем позиции по основным принципиальным вопросам практически полностью совпадают (за тем единственным исключением, о котором только что шла речь).

Об исследовании темы идентичности латиноамериканского «мира миров»

В рассмотренной статье, как и в книге 1997 г., Кофман на литературных примерах исследует не только художественные образы латиноамериканской реальности. Фактически перед нами разворачивается впечатляющая галерея образов латиноамериканской цивилизации. По сути дела, речь идет об исследовании темы идентичности латиноамериканского «мира миров» (М.Я. Гефтер, 1918–1995). В ходе работы над этим текстом мне пришла в голову мысль, что все творчество Кофмана можно охарактеризовать в двух словах, используя название замечательной книги Ф. Аинсы (к анализу содержания которой Андрей Федорович многократно обращался) «Культурная идентичность Ибероамерики в ее прозе» [Ainsa, 1986].

По-моему, для того чтобы оценить работы Кофмана в полной мере, недостаточно просто констатировать наличие той впечатляющей галереи образов, которая была упомянута выше. Более глубокий смысл его исследований

в этом аспекте выявляется, если учесть специфику идентификационной структуры латиноамериканской цивилизации. Для того чтобы ее охарактеризовать, необходимо было уточнить содержание самого понятия «идентичность», что и было сделано в исследованиях последних лет [Шемякин, 2018: 400–402; Шемякин, 2019: 37–39].

«Итак: идентичность — это *состояние отдельного человека или социокультурной общности*, обретших смысл существования и, тем самым, целостность в результате избрания того или иного пути решения ключевых экзистенциальных проблем-противоречий и формирования на этой основе того или иного способа экзистенциальной ориентации, то есть ориентации как во внешнем мире, так и в мире человеческой души. В рамках состояния идентичности следует, по моему убеждению, различать *идентификационный стержень-инвариант* и *образ идентичности*. Последняя может проявляться в различных образах и символах, в которых фиксируется избранный той или иной общностью путь решения названных проблем-противоречий.

Образы идентичности могут меняться: в них отражается то, как та или иная общность видит себя в истории, ее представление о самой себе. Но смена образов идентичности не означает смены самой идентичности. Эти образы, как правило, напрямую зависят от конкретно-исторической ситуации» [Шемякин, 2018: 400; Шемякин, 2019: 37–38].

Автором этих строк был сделан вывод, что в основе идентификационной сферы латиноамериканской цивилизации лежит идентификация с самим процессом взаимодействия составляющих ее разнородных начал, а не с каким-то одним из них (вывод, полностью поддержанный Андреем Федоровичем, что он и отразил в своей рецензии на последнюю коллективную монографию Центра культурологических исследований ИЛА РАН [Константинова, 2022: 34–35]). Именно этот процесс, а не результат взаимодействия разнородных составляющих, как в великих «классических» цивилизациях Запада и Востока, отлитый в определенные устойчивые символические

А. Ф. Кофман. Венчание. 2014

и организационные формы, выступает в роли архетипа, положенного в основу социокультурного строя, является идентификационным стержнем-инвариантом, который остается неизменным при смене образов идентичности [Шемякин, 2022: 35]. В условиях цивилизационного «пограничья» Латинской Америки подобная смена происходила относительно часто (по сравнению с «классическим» цивилизационным типом). Так, еще один, не сразу бросающийся в глаза, «слой» творчества Кофмана — очень тонкое исследование соотношения между идентификационным стержнем-инвариантом и меняющимися образами идентичности латиноамериканской цивилизационной общности.

Доминанта многообразия

Едва ли не главный парадокс цивилизационного «пограничья» — сохранение целостности *sui generis* цивилизационной системы в условиях, когда основные черты исторического «лица» этой системы определяет доминанта многообразия. Подобная специфическая целостность обеспечивается действием определенного социокультурного механизма, и содержание трудов Кофмана может служить прекрасной иллюстрацией его действия.

В его основе — повышенная по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Востока и Запада («субэкуменами» в терминологии Г.С. Померанца) способность социокультурного субъекта к оперированию знаковыми комплексами различного происхождения и характера [Шемякин, 2021: 120]. Наличие именно этого качества стало предпосылкой развертывания того феномена, который, как следует из трудов Кофмана (как, впрочем, и его выдающихся коллег, В.Б. Земскова и Ю.Н. Гирина), является главным фактором формирования латиноамериканской идентичности. А именно «иначения» культурных образцов европейского происхождения — процесса, в ходе и в результате которого возникает качественно новая «пограничная» культурная реальность, характеризующаяся сложнейшим взаимодействием различных традиций.

Как совершенно справедливо отмечал (и показал на многочисленных примерах) А.Ф. Кофман [Кофман, 1997: 53], многозначный концепт границы выступает в латиноамериканской мысли одновременно и как обозначение линии, разделяющей латиноамериканский и «другой» мир (фактически Европу), и как связующее звено между ними. Если это так, то переход через границу есть в том числе и акт установления контакта между мирами. Учитывая же то, что, как уже говорилось, западная традиция стала неотъемлемой составляющей духовного мира латиноамериканцев, для них подобный переход означает в определенном ракурсе путь (точнее, один из путей) к себе, к установлению (или возобновлению) контакта различных культурных реальностей в собственной душе. Доминанта в цивилизационном «пограничье» симбиотического типа взаимосвязи различных традиций означает

их сосуществование в том числе и во внутреннем мире большинства жителей региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, а следовательно, преобладание такой структуры личности, для которой характерно наличие внутренних границ, «одновременно разделяющих и соединяющих идейно-психологические комплексы разного происхождения и характера в ее собственных рамках» [Шемякин, Шемякина, 2009: 84–85].

«Инаковость»

Личность — живое пульсирующее ядро любой цивилизационной системы. Поэтому обязательной предпосылкой достижения целостности системы подобного рода является целостность доминирующего в данном социокультурном ареале типа личности. Учитывая же внутреннюю разделенность подобного типа в латиноамериканских условиях, путь к достижению целостности на индивидуальном уровне необходимым образом предполагал и предполагает для латиноамериканца переход собственных внутренних границ, т.е. границ внутри себя между разнородными духовно-ценностными составляющими. Если это так, то необходимое условие обретения цельности «пограничной» цивилизацией в данном ракурсе — обеспечение повышенной (опять же по сравнению с «классическим» цивилизационным типом) степени проницаемости такого рода границ. Причем в рамках симбиотической, по преимуществу, системности выполнение этой задачи не ведет к их исчезновению: становясь более проницаемыми, внутренние границы отнюдь не размываются.

Пересечение внутренней границы с европейской традицией означает «путь к себе» только в том случае, если предварительно осознана собственная инаковость по отношению к данной традиции. Первичная предпосылка пересечения границы — признание самого факта ее существования, восприятие себя, своего мира как качественно иной по сравнению с Западом реальности. Собственно, только в таком случае вообще возможно появление границы. В этом плане процесс становления единства цивилизации в латиноамериканских условиях неотделим от процесса «иначения» западных культурных образцов. Причем здесь обнаруживаются прямые параллели с Россией. Латиноамериканский вариант этого процесса подробно исследован в блестящих монографиях А.Ф. Кофмана и Ю.Н. Гирина [Кофман, 1997; Гирин, 2008]. В российском социокультурном контексте данная проблематика наиболее подробно разрабатывалась Ю.М. Лотманом и В.М. Живовым [Лотман, 2002; Живов, 2002], также следует выделить М.В. Тлостанову [Тлостанов, 2004]. В данном ракурсе рассмотрения темы ключевое значение в ходе становления духовной целостности цивилизаций Латинской Америки и России приобретает собственная творческая интерпретация европейской традиции [Шемякин, Шемякина, 2009: 85].

Однако подобная интерпретация может приобрести творческий характер лишь в том случае, если осознана реальная сложность отношений с западной культурой, не только «инаковость», но и родственность по отношению к ней. Новаторский творческий акт в обеих «пограничных» цивилизациях планетарного масштаба необходимым образом предполагает самоопределение по отношению к европейской традиции. Отнюдь не случайно у многих наиболее выдающихся мыслителей и Латинской Америки, и России переход границы между «своим» и «чужим» (западным) миром был не только «внутренним», но и «внешним». Нам уже приходилось анализировать этот двойной переход в терминах концепции Ухода-и-Возврата А. Дж. Тойнби [Шемякин, 2001: 184, 341–343]. Описываемый данной концепцией творческий акт приобрел и в латиноамериканском, и в российском «пограничье» особый характер. В обоих случаях уход от действительности своей страны и региона (как предпосылка обретения новых творческих потенций) [Тойнби, 1991] означал уход в Европу, причем достаточно часто не только в переносном, но и в буквальном смысле: и для латиноамериканского, и для российского (до 1917 г.)¹ интеллигента исторические центры «фаустовской» цивилизации — это одновременно и места традиционного паломничества, и «зоны Ухода», в которых он черпал и черпает новые творческие силы. Через Европу прошли практически все наиболее известные латиноамериканские (от С. Боливара, С. Родригеса /Simón Rodríguez, 1769–1854/ до Х. Кортасара /Julio Cortázar, 1914–1984/, А. Карпентьера, О. Паса, Х.Л. Борхеса /Jorge Luis Borges, 1899–1986/ и др.) и значительная часть российских (достаточно вспомнить такие столь непохожие друг на друга фигуры, как П.Я. Чаадаев /1794–1856/, А.С. Хомяков /1804–1860/, Т.Н. Грановский /1813–1855/, Ф.И. Тютчев /1803–1873/, И.С. Тургенев /1818–1883/) мыслителей и писателей. Причем именно пребывание в центрах западной «субэкумены» являлось по общему правилу мощным стимулятором процесса цивилизационной самоидентификации, как это убедительно показал в своих трудах А.Ф. Кофман.

Обобщая результаты исследований, можно вывести общую и для Латинской Америки, и для России формулу достижения целостности на индивидуальном уровне развертывания цивилизационного процесса: «Иначение-Уход-Возврат». Для того чтобы осуществить «Уход» (т.е. переход границы между различными человеческими мирами), нужно предварительно стать собой, обрести по меньшей мере первичную целостность, что в условиях

¹ Хотя после революции 1917 г. отечественная интеллигенция (та ее часть, которая осталась в Советской России) потеряла возможность прямого контакта с центрами «фаустовской» цивилизации, по сути своей ситуация не изменилась: прямой контакт достаточно часто заменялся «внутренней эмиграцией» в Европу, причем «Путь Возврата» к собственной стране и культуре именно в этом случае оказался чрезвычайно затруднен для многих наших соотечественников. — *Примеч. авт.*

обеих рассматриваемых «пограничий» предполагает осознание своей инаковости по отношению к Западу. Дальнейшее движение по пути обретения целостности связано с необходимостью установить степень этой инаковости и в связи с этим определить масштабы, способы и условия включения западных элементов в собственное формирующееся единство, а также пути их трансформации в рамках этого единства. Успешное решение этой многоаспектной задачи означает «Возврат» к себе и обретение собственной специфической идентичности [Шемякин, Шемякина, 2009: 86].

Пограничные культуры: «взамоупор» противоположностей

Общая «траектория» движения к достижению в результате постоянного столкновения и взаимодействия двух противоположных ориентаций (обнаруживающих себя и на уровне «коллективного бессознательного» народов, и на уровне конкретной деятельности): отталкивания от Запада и тяготения к «фаустовской» цивилизации. Причем обе эти ориентации проявляют себя с большой силой, что прямо обусловлено тем обстоятельством, что и для русского, и для латиноамериканца европейская культура — это одновременно и его культура, и нечто ему чуждое. Здесь мы вновь сталкиваемся с парадоксальной логикой цивилизационного «пограничья»: целостность *sui generis* создается «взаимоупором» противоположностей (в данном случае западной и антизападной ориентаций), их конфликтным сочетанием [Шемякин, Шемякина, 2009: 86; Шемякин, 2019: 51–52].

Карта Бразилии и Южной Америки,
составленная португальским
картографом Диогу Хомем. 1558

С охарактеризованной логикой развертывания «пограничных» цивилизационных общностей как особого рода историко-культурных единств связаны такие их характеристики, как парадоксальное сочетание большей открытости и большей закрытости по сравнению с «непограничными» культурами, особенно острой восприимчивости к идущим извне влияниям и ревностной защиты собственной самобытности.

Надо сказать, что Россия и Латинская Америка не являются здесь исключениями: в них с наибольшей силой и «планетарным» размахом проявилась черта, общая для всего цивилизационного «пограничья». На нее, в частности, обращал внимание, сопоставляя в основном российские и испанские

реалии, В.Е. Багно. Так, по его словам, для «пограничных» культур типично «постоянное напряжение между двумя полярными тенденциями: охранительской и космополитической, “всемирной отзывчивостью” и сохранением традиций, сочетание которых и является не только естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития» [Багно, 2001: 273]. По определению крупнейшего испанского историка Р. Менендеса Пидаль (Ramón Menéndez Pidal, 1869–1968), для его страны всегда было характерно постоянное колебание маятника между тенденциями (и историческими этапами) изоляции и интеграции [Menéndez Pidal, 1982: 182–198]. Как совершенно справедливо заметил В.Е. Багно, эта формула вполне применима и к России [Багно, 2001: 17]. Что касается Латинской Америки, то здесь западное давление на всех этапах истории было настолько мощным, что блокировало (за единственным исключением Парагвая периода правления Франсии)² возможность изоляции — изоляционистского этапа пути достижения целостности здесь не прослеживается [Шемякин, Шемякина, 2009: 87].

О роли «пространства свободы» личности

Осуществлять упомянутое выше относительно свободное оперирование знаковыми структурами различного происхождения и характера не может никакая-либо организация или социальный институт. Это может только конкретный живой человек. Поэтому еще одной важнейшей составляющей механизма обеспечения целостности социокультурной системы в «пограничной» действительности Латинской Америки является особая, существенно более значимая, чем в «классических» цивилизациях, роль индивидуального уровня развертывания цивилизационного процесса. Этот уровень неоднороден: в любом человеке есть «надличностный» слой общепринятых норм и ценностей, усваиваемых в процессе социализации и утверждаемых, как правило, на официальном идеологическом уровне [Шемякин, 2023b: 41–42]. Но ни одна человеческая индивидуальность не сводится к этому уровню: в каждом представителе вида *homo sapiens* наличествует, так сказать, «собственно индивидуальное» измерение, то, что отличает его от всех остальных людей. И это измерение является «пространством свободы» человека. Свободы в интерпретации общепринятых ценностей и установок, которая в условиях кризиса перерастает в отрицание таких установок и ценностей. Соотношение между надличностным слоем индивидуальности и «пространством свободы» характеризуется в латиноамериканском человеке ключевой ролью именно данного пространства.

² Хосе Гаспар Родригес де Франсия (José Gaspar Rodríguez de Francia, 1814–1840) — парагвайский политик и государственный деятель. Диктатор, считавшийся «отцом парагвайской нации». Проводил политику изоляционизма и автаркии, ограничил деятельность иностранцев в стране. — *Примеч. ред.*

Данный вывод — результат многолетних исследований автора этих строк, неотъемлемую часть которых составлял на протяжении многих лет творческий диалог с ведущими представителями творческого коллектива латиноамериканистов ИМЛИ. И в этом диалоге для меня имело огромное значение общение с Андреем Кофманом. По-моему, весь цикл его трудов может быть интерпретирован как развернутое доказательство ключевой роли «пространства свободы» личности в обеспечении целостности латиноамериканской цивилизации на самом глубинном уровне в условиях доминанты многообразия — от характеристики сознания и деятельности конкистадоров до анализа творчества ведущих представителей «духовного космоса» Латинской Америки.

* * *

Начиная эту работу, я охарактеризовал Кофмана как творческую личность синкретического типа, совмещающую ипостаси ученого и художника (в самом широком смысле). И в данном контексте его имя должно быть поставлено в один ряд с именами многих выдающихся людей как России, так и Латинской Америки. Думаю, простое перечисление их имен могло бы занять не одну страницу. Хотелось бы в заключение привести слова Игоря Вадимовича Кондакова из его «Вступительного слова» к книге Земскова: «Валерий Земсков шел путем таких знаменитых ученых-гуманитариев... как М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев, Н.И. Конрад и В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев и А.М. Панченко, С.С. Аверинцев и А.В. Михайлов, Ю.М. Лотман и В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров и Н.И. Толстой, Б.Л. Рифтин и П.А. Гринцер, Вяч. с. Иванов и Б.А. Успенский (список можно продолжить)...» [Кондаков, 2015: 5–6].

Таким же путем шел в своем творчестве и Андрей Федорович Кофман. И его имя занимает достойное место в этом перечне имен выдающихся представителей отечественной мысли.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. (2005) Бахтин, смех и христианская культура, *Собрание сочинений. Связь времен*, Киев, ДУХ І ЛІТЕРА, с. 342–359.
- Averintsev S.S. (2005) Bakhtin, smekh i khristianskaya kul'tura [Bakhtin, Laughter and Christian Culture], *Sobranie sochinenii. Svyaz' vremeni* [Collected Works. The Connection of Times], Kiev, DUKh I LITERA, pp. 342–359. (In Russian)
- Багно В.Е. (2001) *Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания)*, Санкт-Петербург, Канун, 528 с.
- Bagno V.E. (2001) *Pogranichnye kul'tury mezhdu Vostokom i Zapadom (Rossiya i Ispaniya)* [Border Cultures between East and West (Russia and Spain)], Saint Petersburg, Kanun, 528 p. (In Russian)

- Бахтин М.М. (1986) *Эстетика словесного творчества*, Москва, Искусство, 445 с.
- Bakhtin M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Moscow, Iskusstvo, 445 p. (In Russian)
- Бахтин М.М. (1997) К философским основам гуманитарных наук, *Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов*, Москва, Русские словари, с. 7–10.
- Bakhtin M.M. (1997) K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [On the Philosophical Foundations of the Humanities], *Sobranie sochinenii. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s], Moscow, Russkie sloviri, pp. 7–10. (In Russian)
- Гайденоко П.П. (1987) *Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.)*, Москва, Наука, 448 с.
- Gaidenko P.P. (1987) *Evolutsiya ponyatiya nauki (XVII–XVIII vv.)* [Evolution of the Concept of Science (17th – 18th Centuries)], Moscow, Nauka, 448 p. (In Russian)
- Гирин Ю.Н. (2008) *Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры*, Санкт-Петербург, Алетейя, 215 с.
- Girin Yu.N. (2008) *Poetika sverkhpredel'nosti. K interpretatsii khudozhestvennykh protsessov latinoamerikanskoi kul'tury* [Poetics of the Super-Limitless. Towards the Interpretation of Artistic Processes in Latin American Culture], Saint Petersburg, Aleteiia, 215 p. (In Russian)
- Живов В.М. (2002) *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*, Москва, Языки славянской культуры, 760 с.
- Zhivov V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 760 p. (In Russian)
- Земсков В.Б. (2004) Литературный процесс в Латинской Америке. XX век и теоретические итоги, *История литератур Латинской Америки. XX век: 20–90-е годы. Часть первая*, под ред. Земскова В.Б., Москва, ИМЛИ РАН, с. 5–106.
- Zemskov V.B. (2004) Literaturnyi protsess v Latinskoi Amerike. XX vek i teoreticheskie itogi [The literary process in Latin America. 20th century and theoretical results] in V.B. Zemskov (ed.) *Istoriya literatur Latinskoi Ameriki. XX vek: 20–90-e gody. Chast' pervaya* [History of the Literatures of Latin America. 20th century: 1920–1990s. Part One], Moscow, IMLI RAN, pp. 5–106. (In Russian)
- Иванов Вяч.Вс. (2009) До – во время – после, *Избранные труды по семиотике и истории культуры, Том V, Мифология и фольклор*, Москва, Знак, с. 135–157.
- Ivanov Vyach.Vs. (2009) Do – vo vremya – posle [Before – During – After], *Izbrannnye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom V, Mifologiya i fol'klor* [Selected Works on Semiotics and History of Culture, Volume V, Mythology and Folklore], Moscow, Znak, pp. 135–157. (In Russian)
- Кондаков И.В. (2015) Вступительное слово, *Образ России в современном мире и иные сюжеты*, под ред. В.Б. Земскова, Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, с. 5–8.
- Kondakov I.V. (2015) Vstupitel'noe slovo [Introductory word] in V.B. Zemskov. *Obraz Rossii v sovremennom mire i inye syuzhety* [The Image of Russia in the Modern World and Other Stories] Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Gnozis, pp. 5–8. (In Russian)

Константинова Н.С. (ред.) (2022) *Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности*. Москва, ИЛА РАН, 244 с.

Konstantynova N.S. (ed.) (2022) *Iberoamerika: rol' kul'tury v formirovanii i evolyutsii national'noi identichnosti* [Iberoamerica: The Role of Culture in the Formation and Evolution of National Identity], Moscow, ILA RAS, 244 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (1997) *Латиноамериканский художественный образ мира*, Москва, Наследие, 320 с.

Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira* [Latin American artistic image of the world], Moscow, Nasledie, 320 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2004) Литература Мексики, *История литератур Латинской Америки. XX век: 20–90-е годы. Часть первая*, под ред. Земскова В.Б., Москва, ИМЛИ РАН, с. 107–195.

Kofman A.F. (2004) Literatura Meksiki [Literature of Mexico] in V.B. Zemskov (ed.) *Is-toriya literatur Latinskoi Ameriki. XX vek: 20–90-e gody. Chast' pervaya* [History of the Literatures of Latin America. 20th century: 1920–1990s. Part One], Moscow, IMLI RAN, pp. 107–195. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2007а) *Кортес и его капитаны*, Москва, Пан Пресс, 352 с.

Kofman A.F. (2007a) *Kortes i ego kapitany* [Cortes and His Captains], Moscow, Pan Press, 352 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2007б) *Рыцари Нового Света*, Москва, Пан Пресс, 196 с.

Kofman A.F. (2007b) *Rytsari Novogo Sveta* [Knights of the New World], Moscow, Pan Press, 196 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2009) *Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки*, Москва, Санкт-Петербург, Эрвез, Симпозиум, 606 с.

Kofman A.F. (2009) *Konkistadory. Tri khroniki zavoevaniya Ameriki* [Conquistadors. Three Chronicles of the Conquest of America], Moscow, Saint Petersburg, Ervez, Simpozium, 606 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2012) *Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности*, Москва, ИМЛИ РАН, 304 с.

Kofman A.F. (2012) *Ispanskii konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish Conquistador. From the Text to the Reconstruction of a Personality Type] Moscow, IMLI RAN, 304 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*, Санкт-Петербург Издательство «Крига», 1032 с.

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'jago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenityh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of famous conquistadors], Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 1032 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2023) “Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...” Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира, *Ибероамериканские тетради*, № 1, с. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40

Kofman A.F. (2023) “Chto gringo zdorovo, to latinoamerikantsu smert'...” Osobennosti vystraivaniya latinoamerikanskoi kartiny mira [Specifics of the Latin American world view construction], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40 (In Russian)

Лотман Ю.М. (2002) *Статьи по семиотике культуры и искусства*, Санкт-Петербург, Академический проект, 544 с.

Lotman Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art], Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 544 p. (In Russian)

Маковский М.М. (1996) *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов*, Москва, Владос, 416 с.

Makovskii M.M. (1996) *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. Image of the World and Worlds of Images], Moscow, Vlados, 416 p. (In Russian)

Тлостанова М.В. (2004) *Постсоветская литература и эстетика транскультурации*, Москва, УРСС, 416 с.

Tlostanova M.V. (2004) *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii* [Post-Soviet Literature and the Aesthetics of Transculturation], Moscow, URSS, 416 p. (In Russian)

Тойнби А.Дж. (1991) *Постижение истории*, Москва, Прогресс, 736 с.

Toinbi A.G. (1991) *Postizhenie istorii* [Understanding History], Moscow, Progress, 736 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*, Москва, Наука, 391 с.

Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vsemirnoi istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History] Moscow, Nauka, 391 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2006) *Латиноамериканская цивилизация и латиноамериканская литература*, *Известия РАН. Серия литературы и языка*, том 65, № 4, с. 32–39.

Shemyakin Ya.G. (2006) *Latinoamerikanskaya tsivilizatsiya i latinoamerikanskaya literatura* [Latin American Civilization and Latin American Literature], *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 65, no. 4, pp. 32–39. (In Russian)

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2009) Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы: Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки, *Латинская Америка*, № 10, с. 82–101.

Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2009) *Puti i usloviya dostizheniya tselostnosti tsivilizatsionnoi sistemy: Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoi Ameriki* [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational system: A comparison of the historical experience of Russia and Latin America], *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 82–101. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2016) Слово о Земскове, *Латинская Америка*, № 2, с. 76–92.

Shemyakin Ya.G. (2016) *Slovo o Zemskove* [Reflections about Zemskov], *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 76–92. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2018) Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности, *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*, под ред. О.В. Воробьевой, Москва, Аквилон, с. 348–402.

Shemyakin Ya.G. (2018) *Konflikt interesov i konflikt tsennostei. Migratsionnaya problematika v kontekste problemy tsivilizatsionnoi identichnosti*. [Conflict of Interests and Conflict of Values. Migration Issues in the Context of the Problem of Civilizational Identity], in O.V. Vorobyova (ed.) *Tsivilizatsionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoi perspective* [Civilizational Challenges in a World-Historical Perspective], Moscow, Akvilon, pp. 348–402. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2019) Идентичность как способ бытия культуры: латиноамериканский опыт, *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*, под ред. Константиновой Н.С., Москва, ИЛА РАН, с. 34–66.

Shemyakin Ya.G. (2019) Identichnost' kak sposob bytiya kul'tury. Latinoamerikanskii opyt [Identity as a Way of Being of Culture. Latin American Experience] in Konstantinova N.S. (ed.) *Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii* [Ibero-America: Cultural Identity in the Era of Globalization], Moscow, ILA RAS, pp. 34–66. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2021) Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях», *Перспективы. Электронный журнал*, № 4/1(24/25), с. 110–127.

Shemyakin Ya.G. (2021) Kul'turnyi transfer i dialog kul'tur v rossiiskom i latinoamerikanskom tsivilizatsionnykh «pogranich'yakh» [Cultural Transfer and Dialogue of Cultures in the Russian and Latin American Civilizational Borderlands], *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, no. 4/1(24/25), pp. 110–127. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2022) Культура как способ бытия Латинской Америки. Характер и формы культурной детерминации латиноамериканской действительности, *Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности*, под ред. Константиновой Н.С., Москва, ИЛА РАН, с. 20–78.

Shemyakin Ya.G. (2022) Kul'tura kak sposob bytiya Latinskoj Ameriki. Kharakter i formy kul'turnoi determinatsii latinoamerikanskoi deistvitel'nosti [Culture as a way of being in Latin America. The nature and forms of cultural determination of the Latin American reality] in Konstantinova N.S. (ed.) *Iberoamerika: rol' kul'tury v formirovanii i evolyutsii natsional'noi identichnosti* [Iberoamerica: the role of culture in formation and evolution of national identity], Moscow, ILA RAS, pp. 20–78. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023a) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Ибероамериканские тетради*, №1, с. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67>

Shemyakin Ya.G. (2023a) «Velikie geograficheskie otkrytiya»: smysl i istoricheskoe sodержание termina v svete opyta vzaimodeistviya tsivilizatsii v Novom Svete [«Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 41–67. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67> (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023b) О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения, *Ибероамериканские тетради*, № 4, с. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61>

Shemyakin Ya.G. (2023b) O formakh organizatsii lingvisticheskoi real'nosti tsivilizatsionnogo «pogranich'ya»: Latinskaya Amerika, Iberiiskaya Evropa i Rossiya v kontekste sravneniya [On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared], *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61> (In Russian)

Ainsa F. (1986) *Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa* [Cultural Identity of Latin America in its Narrative], Madrid, Gredos, 590 p. (In Spanish)

Menéndez Pidal R. (1982) *Los españoles en la historia* [The Spaniards in History], Madrid, Espasa-Calpe, 241 p. (In Spanish)

Иллюстрации к аналитическому эссе Я.Г. Шемякина
«Андрей Кофман: творческая личность синкретического типа»

А.Ф. Кофман. Дама в стиле art nouveau

А.Ф. Кофман. Воспоминание об Испании. 1991

А.Ф. Кофман. Лабиринт. 2001